

Правомерные цели надлежащей и долговременной конституции

совесть; достоинство; честь; смысл жизни; абсолютное благо; ценность; правомерная и долговременная конституционная цель

Б. А. Осипян

кандидат юридических наук, доцент, старший научный сотрудник Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ

“Если мы не сформулировали четкие цели, сочетающиеся с нашим пониманием смысла жизни, и если не будем постоянно о них помнить, то в конце концов можем остановиться и сдаться”¹.

Без предварительного определения надлежащей и непреходящей цели права бессмысленно говорить о производных от неё долговременных целях всякой разумной, правомерной и действующей Конституции. Сама эта цель проистекает из понятия абсолютного и универсального образа-блага, без которого наша жизнь, свобода и права не могут иметь какого-либо положительного смысла. «Цель, – писал К. Ясперс, – это путь во времени... история имеет временный характер, но ее смысл имеет вечный, вневременный характер... История становится путем к надысторическому... Цель может выступать как скрытый смысл, который никто не имел в виду»².

Божественная цель универсальна для каждого и всех. Однако разные люди и народы продолжают существовать как бы в разные периоды своей зрелости и близости к этой бесконечной цели согласно своему духовно-нравственному призванию и предназначению. Вечный путь приближения к Духу Божия разделен во времени на тайны периодов, т. е. на промежуточные цели, по которым и следует сверять меру прогресса того или иного человека или народа, ибо эти критерии периодизации биографии и истории человека и народов исходят из моментов реализации (воплощения) Духа Свято-

¹ Темплтон Дж. Всемирные законы жизни. М., 1999. С. 15.

² Ясперс К. Смысл и назначение истории. М., 1993. С. 240,262,263,279.

го по Божественному Предопределению, начиная с Адама (плотского главы человечества) и завершая Иисусом Христом – Богочеловеком, образцом праведного образа жизни в истине и Боге.

По мнению святого Августина, «предопределение, этот вечный закон, которым Бог все нормировал, есть всеобщее отношение Бога к твари, благодать же – лишь частное его действие. Предопределение есть вселенский правопорядок и закон, осуществляющийся в целом строе мироздания, как в спасение праведных, так и в осуждении злых: оно простирается на всех. Благодать же спасает только некоторых, избранных, тех, кому предопределено спастись»¹. «Последняя цель человека, – писал Я. С. Коменский, – находится за пределами этой жизни»². Конечная цель всякой личной и общественной человеческой жизни – это полнота как упорядоченной земной, так и небесной жизни во всей ее свободе и гармонии со служением Господу, как в личном качестве, так и солидарно со всеми людьми. Как заметил И. Кант, “конечная цель есть та цель, которая не нуждается ни в какой другой цели как условия своей возможности... Человек есть конечная цель творения, ибо без нее цепь подчиненных друг другу целей не была бы полной»³.

Цель истинной и созидательной любви к Богу и своему ближнему, духовного освобождения и спасения каждого человека (*pro salute animae*) и общества во всех сферах их жизнедеятельности для своей реализации не требует каких-либо иных особенных целей, ибо, как писал Гегель, «заповедь любви имеет целью не право, а благо ближнего», которого следует любить не ради каких-либо особенных целей, будь то цель сохранения семьи, дружеских отношений или достижения какой-либо политической цели⁴. По этому поводу в Святом Евангелии сказано, что “если кто епископства желает, доброго дела желает, ибо епископство это название дела, а не чести”⁵. Блаженный Августин писал: «При деятельности же предметом любви должны быть не почет в настоящей жизни или власть, ибо все суетно под солнцем, а само дело, которое делается порою посредством почета и власти, если делается правильно и с пользой, т. е. так, чтобы могло служить тому благосостоянию подчиненных, которое соответствует воле Божией»⁶. «Служение богам со стороны

¹ *Августин*. Об истинной религии. Минск, 1999. С. 1589.

² *Коменский Я. С.* Избранные педагогические произведения. Великая дидактика. Т.1, М., 1939. С. 80.

³ *Кант И.* Соч. Т. 5. С. 467, 469.

⁴ *Гегель*. Философия религии. В двух томах. Т. 2. М., 1976. С. 284.

⁵ Библия. Новый завет. 1 Тим., 3:1.

⁶ *Августин*. О граде Божием. Минск-Москва, 2000. С. 1040.

людей нечестивых тщетно, говорил языческий философ Платон, – со стороны же благочестивых – очень уместно. Вот та цель, в которую мы должны метить»¹.

В этом свете закон человеческий и Божий, по убеждению автора проекта армянской Конституции 1773 года – «Западни честолубия» Ш. Шаамиряна, должен служить образцом поведения и повседневной жизни и содержать в себе цель обуздать и укротить изменчивое человеческое естество во благо каждого и всех. Потому каждый закон должен быть засвидетельствован и оправдан оселком неизменных канонов Священного Писания, а не подчиняться желаниям плоти и выгоде отдельных правителей. В статье 17 составленного им проекта армянской Конституции была закреплена цель превращения армянского народа в единую паству с единой волей, выраженной в высшем индивидуальном и социальном путеводителе и пастыре-законе².

Блажен также человек или народ, которым «Господь объявляет намерения его», ибо такой человек или народ не помышляет о земном и славе своей, но о славе Божией. Господь защищает их не только от других, но и от самих себя, от своих неправомерных соблазнов, помыслов и неправомерных целей, которые противны воле Божией. «Господь разрушает советы язычников, уничтожает замыслы народов», «вавилонские башни» и поклоняются им малодушно и самовольно³. Ибо в духовном понимании, «кто не с Ним, тот против Него» и «кто не собирает с Ним, тот расточает»⁴.

Поэтому необходимо и должно следовать Божиим законам бытия и развития, прежде всего понять их и примириться с ними в духовном преображении своем, но своенравно не переделывать и насильственно не изменять мир без любви, веры и знания воли Божия и его исполнения в практической жизни.

Великий соблазн и заблуждение – отказаться от истины ради той или иной мирской цели, счастья или благосостояния личного, семейного, национального или даже общечеловеческого. Вирусом такого соблазна и заблуждения как раз и заражены всякие теории и идеологии социализма, коммунизма, либерализма, гуманизма и т. д., поскольку истинное самолюбие, чувство родственности, дружбы, патриотизма и человеколюбия берут свое начало в истинном боголюбии, богосознании и богопреданности. Поэтому никогда нельзя обожествлять ни человека, ни человечество. Дело в том, что люди,

¹ Платон. Сочинения. В трёх томах. Т. 3(2). М., 1968–1972. С. 190.

² Памятники армянского права. Ереван, 2001. С. 576, 577, 578, 590.

³ Библия. Ветхий завет. Амос., 4:3; Пс., 113:9; Пс., 32:10; Исход, 20:4-5; 32:35.

⁴ Библия. Новый завет. Матф, 12:30; Лука, 11:23.

цель которых заключается в узких рамках продолжения своего рода и накоплении материальных благ для своих смертных отпрысков-потомков, в конечном счете являются несознательными и невольными духовными самоубийцами, ибо они сеют в тлеющую плоть все относительное и временное, а сеющие плотские семена пожинают плотские плоды, по поводу раздела которых люди завидуют, ненавидят и вредят друг другу. Поэтому, используя все временные мирские блага, мудрый человек любовно сеет вечные, духовные, абсолютно живые семена, дающие духовные плоды, которые не вызывают у людей постоянные споры и раздоры, а только взаимную любовь, понимание, уважение и долготерпение. Если объектом желаний и целей людей станут духовные ценности, то постепенно будут преобразоваться также их потребности и интересы, поскольку интересы являются осознанными потребностями, а потребности – более или менее устойчивыми влечениями людей к определенным вещам и явлениям, воспринимаемым и переживаемым как существенное условие для реальной жизни¹.

Неосторожная или злоумышленная подмена истинных, образующих надлежащую народную конституцию ценностей и целей правдоподобными ложными ценностями и целями отвлекает людей от решения повседневных задач нахождения каждым человеком своего духовного призвания, дела и смысла своей жизни, пути своего духовного освобождения и спасения. При этом если люди приобретут весь мир, но потеряют Бога в своей душе, то они в конечном счете потеряют все, а если потеряют все, кроме Бога, любви, веры, ответственности перед Ним, то они с Богом снова найдут и приобретут все потерянное и даже намного больше потерянного. Ярким примером для этого является история про библейского Иова. Замена духовных ценностей и целей мирскими благами в конечном счете приводит людей к самоотчуждению, нравственной и душевной болезни и фатальному отдалению от образа животворящего Бога. Поэтому Спаситель наш предупреждает: «Домы Отца Моего не делайте домом торговли»².

При постановке той или иной конституционной цели важную роль играют наличные представления об искомом образе-благе и путях его приобретения: прежде всего стабильного мира и правопорядка на земле для всех людей, а также спасения в вечной жизни для каждой личности, любящей и сознающей своего Творца-Бога. В этом аспекте каждая конституционно-правовая норма и вся система

¹ Социальная психология. М., 1975. С. 77.

² Библия. Новый завет. Иоанн, 2:16.

действующих законов устанавливают целесообразный порядок действий и необходимые средства для беспрепятственного достижения той или иной законоустановленной цели.

По мнению Б. Спинозы, закон представляет собой образ жизни, предписываемый человеком себе или другим ради какой-нибудь цели¹. В жизни человеческой довольно часто средства достижения той или иной цели затушевывают или заслоняют саму поставленную цель. Большинство людей связывают конечные цели развития человечества с так называемым прогрессом (pro-gress), т. е. с механическим продвижением вперед, но не с духовно преобразующим движением вверх, т. е. к Господу Богу. Однако истинный смысл, например, научно-технического прогресса состоит не в чем ином, как в освобождении человека от множества его повседневных забот, суетно-изнурительного и монотонного труда, в даче ему достаточно свободного от дразгов жизни времени и возможности для молитвенного и деятельного общения со своим Создателем и своими ближними, в вере и познании Его и себя как одного из Его творений, в исполнении Его заповедей в личной и социальной жизни, в добровольной реализации своего высокого призвания, предназначения и бесконечного смысла жизни. «Тот, кто избрал своим руководителем истину, а своей целью долг, – утверждал Б. Паскаль, – может смело довериться Провидению и своему призванию»².

Святые отцы и учителя христианской церкви усматривали конечную цель жизни каждого человека, не только и не столько в государственно-правовом поддержании земного правопорядка, сколько в спасении его души от мирского зла и смерти. «Цель человека, – говорил Сергей, архиепископ Пражский, – устройство внутренней жизни... Вопрос о спасении есть основной вопрос истории человечества в целом и личной судьбы каждого человека... Обыденная наша жизнь есть средство для создания подлинной жизни. Мы же средство превратили в цель... Наша душа создана для вечности, а мы совершенно не заботимся о ней. Мы стараемся приобрести всевозможные сокровища, кроме сокровища вечности. Мы плохие купцы. Мы дешево ценим нашу душу, ценнее которой ничего нет... Забота о своем спасении дает общественное благо... Человек, не успевший одолеть в себе греховность, не может оказать благоприятного влияния на окружающих, быть в помощь другим и содействовать им в победе над грехами... Святость есть великое общественное благо и сила. Желая подлинно послужить ближним, мы прежде всего должны очистить себя

¹ Спиноза Б. Богословско-политический трактат. Минск., 1998. С. 110.

² Афоризмы о юриспруденции. М., 1999. С. 461.

от греховных привычек и наклонностей. Стать чистыми, вести богоугодную жизнь. Только в меру нашего духовного совершенствования мы можем быть полезными нашим ближним в их горе и несчастье. Это – единственный путь служения ближним. Спасая себя, мы как бы вносим долю спасения в дело всего человечества. Подвиг личного спасения есть подвиг общественный»¹.

Духовная и конституциобразующая высшая цель освобождения и спасения души от зла и смерти должна стать пожизненной целью каждого разумного человека на земле, делом каждого подаренного нам Божьего дня и делом всей нашей жизни. Об этом святой апостол Павел говорит так: «Братия, я не почитаю себя достигшим; а только, забывая заднее и простираясь вперед, стремлюсь к цели, почести высшего звания Божия во Христе Иисусе»². При этом желающие спасти свою душу в этом временном мире потеряют ее и погубят для вечной жизни. Истинно мудрые люди тщетно не пытаются поудобнее устроиться в этой жизни и довольствоваться мирским счастьем, чтобы не уснуть ко времени прихода Грядущего Жениха в полночи³. В этом смысле мирское благополучие и счастье может оказаться «успехом ко злу», которое несравненно опаснее очевидного мирского бедствия, которое нередко может стать первотолчковым импульсом для коренного духовного возрождения и нравственного преображения человека и начала его поистине новой, праведной жизни. «Счастье человеческое, – говорил в связи с этим святитель Иоанн Златоуст, – часто бывает знаком вечного осуждения»⁴.

Говоря об абстрактной неопределенности тщетных общечеловеческих ценностей и целей, О. Шпенглер с великим сожалением отмечал: «У человечества нет никакой цели, никакой идеи, никакого плана... Человечество» – пустое слово»⁵. Все международно-правовые акты всего лишь декларируют права господ и обязанности рабов, но не гарантируют достоинства и призвания истинно свободных людей. Даже провозглашенное уважение к так называемым основным правам и свободам человека больше побуждает людей на совершение недостойных и бесчестных поступков, нежели призывают людей к сосредоточенной в Боге и ответственной жизни. Тысячу раз был прав великий русский мыслитель Ф. М. Достоевский, который, подчеркивая человеческое невежество и низость, без какого-либо сомнения пророчески заявил: «Провозгласите право на бес-

¹ Духовная жизнь в миру. М., 1998. С. 11, 16, 42, 43, 78.

² Библия. Новый завет. Фил., 3:13-14.

³ Библия. Новый завет. Матф., 25:1-13.

⁴ Великие мысли, кратко реченные. Изречения святых отцов и учителей церкви. СПб., 2001. С. 229.

⁵ Шпенглер О. Закат Европы. Р-н-Д., 1998. С. 59.

честие и все побегут за вами»¹. Разумеется, как писал В. С. Соловьев, идейная цель права и законодательства, состоит не в превращении мира, лежащего во зле, в Царство Божие, а только в том, чтобы этот мир не был до времени превращен в ад. При этом посредством идеи права и положительной конституции государство обязано обеспечивать внешние условия для достойного существования и совершенствования людей².

По мнению выдающегося американского правоведа Г. Бермана, право связано с высшей целью человеческой жизни, ибо оно имеет своим корнем завет-договор между людьми и Богом, который ведет их в свете Своей истины к добродетельной и праведной жизни на земле, к духовному освобождению и спасению. Право, как отражение библейских символов-архетипов Исхода, Избранного народа, Обетованной земли, Нового Иерусалима, Жертвенной смерти и Возрождения призвано помочь обществу жить по воле Бога как высшей справедливости и потому является незаменимым средством провиденциального исполнения общечеловеческого плана Бога как всемогущего законодателя, милостивого судьи, вдохновителя исторических изменений социально-правовых институтов³.

В этом ракурсе уважение к конституционным правам и свободам человека в отрыве от их идейно-целевого назначения, абсолютного достоинства и духовного призвания, представляет собой разновидность неоязыческого идолопоклонства, искусственной абсолютизации средств, которая в конечном счете нарушает надлежащий конституционный правопорядок и, стало быть, меру права, свободы и ответственности каждого разумного человека как творческой личности. Увы, основные права и свободы человека не рассматриваются так называемыми общепризнанными международно-правовыми документами и многими современными видными правоведами в качестве дара Божьего, как это искренне делал один из отцов-основателей американской Конституции Т. Джефферсон в 1801 году в своем первом президентском послании к своему народу.

Более того, из разряда необходимых средств для ведения людьми богодостойного образа жизни, исполнения своего призвания и реализации смысла своей жизни, они безбожно и неправоммерно возводятся в категорию объектов веры, высшей конституционной ценности и цели. Например, в преамбуле восхваленной мировым сообществом Всеобщей декларации прав человека 1948 года, в Уставе Совета Европы 1949 года, в международных пактах о правах чело-

¹ Афоризмы о юриспруденции. М., 1999. С. 82.

² Соловьев В. С. Оправдание добра. М., 1996. С. 41, 332.

³ *Berman H. J. Faith and Order.* P. 19, 90, 215, 292.

века 1966 года и во многих других международно-правовых документах утверждается суетная вера в высшую ценность и цель основных прав человека и в почти безоговорочную необходимость их всяческого уважения и почитания, но при этом не уточняется духовное понятие самой непреходящей идеи права, контекстуальное и конкретное содержание духовных и нравственно-правовых идеалов, ценностей и принципов, которые являются общим наследием всех народов во все времена, не обосновываются реальные или предполагаемые преимущества так называемого демократического и открытого гражданского общества, публично умалчивается о необходимости осознания каждым человеком своей ответственности перед Богом за надлежащее личное самоопределение, осознание своего достоинства, свободный и правильный выбор и достойную реализацию своего призвания, назначения и смысла жизни.

К примеру, в статье 1 Всеобщей декларации прав человека 1948 года провозглашается, что «все люди рождаются свободными и равными в своем достоинстве и правах», тем самым отрицая тот факт, что люди рождены Богом (а не сами по себе рождаются!), и что при равном абсолютном богоданном достоинстве, они все же не имеют равные права, которые реально соответствуют их разному призванию и назначению в рамках надлежащего правопорядка. Иными словами, все люди имеют одинаковые права и свободы, которые соразмерны с их неодинаковыми призваниями, назначениями, целями и смыслами жизни. Без всего этого законодательное закрепление абстрактных прав и свобод человека и их практическая реализация не могут довести каждого человека и общество до добра, способствовать решению насущных проблем жизни, а только к тому, что мы имеем сегодня: к всеобщему неверию, нравственной деградации, организованным беспорядкам, безудержному росту преступности и превращению ее в глобальную проблему.

Именно подобные половинчатые, сущностно выхолощенные и неправомерные международно-правовые акты дают основание международным и национальным судебным инстанциям выносить безбожные, безнравственные и неправомерные решения, которые способствуют разращению высоких традиционных ценностей и нравов различных народов. Так, например, по делам Даджен и Норрис Европейский Суд значительным большинством голосов постановил, что законодательное запрещение государством гомосексуальных актов между совершеннолетними лицами старше 21 года представляет собой неправомерное вмешательство в частную жизнь граждан по пункту 1 статьи 8 Конвенции о правах человека и основных сво-

бодах 1950 года¹. Тем не менее, вопреки библейскому запрету и нормам традиционной нравственности Европейская конвенция о правах человека односторонне учла только внешнюю сторону гомосексуального преступления, предавая вечному забвению должную защиту высокого человеческого достоинства и его естественное половое призвание по замыслу и закону Человечесоздателя. А это с позиций идеи права большой пробел в законе, который вводит все европейское сообщество в богоборческое и гомосексуальное заблуждение. Такое положение дел никак не допустимо и потому Европейская Конвенция по правам человека 1950 года должна быть существенно поправлена и дополнена вышеуказанными правомерными идеями, ценностями, целями, принципами и личными правами и обязанностями человека.

К сожалению, на подобных, по духу глубоко безбожных, неестественных и безнравственных международно-правовых актах тщетно делаются попытки создавать равные условия жизни для неверующих и верующих, установить связи для взаимного понимания и уважения, единства в мире, что, естественно, невозможно без Бога – единственного Посредника взаимного понимания и уважения между людьми. Согласно объективному закону тождества цели и средства, если высшая цель – Бог, то и абсолютное средство есть вера, через которую человек может связаться с Богом, и производное от этой веры доверие между людьми, а не права и свободы человека, которые суть необходимые, но далеко не достаточные средства для достижения данной цели. Основные права и свободы человека могут, тем не менее, быть рассмотрены как цель на несравненно более низком уровне и иметь средством своей реализации самих себя и систему других государственно-правовых институтов. Ведь даже государство и право, независимо от их форм и содержания, не могут быть рассмотрены как самоцель, а только как средства для реализации какой-то высшей конституционно-правовой цели, выходящей далеко за рамки форм и содержания данного государства и действующего законодательства.

Возникает вопрос: а какова общая цель, для реализации которой предназначены государство и право, основные права и свободы человека и т. д.?

Прежде чем ответить на этот вопрос, отметим, что искомая цель и программа и средства ее осуществления должны быть закреплены в основном законе повседневной и перспективной жизни каждого общества, т. е. в его действующей конституции. Правомерная кон-

---

¹ Гомьен Д., Харрис Д., Звак Л. Европейская конвенция о правах человека и Европейская социальная хартия: право и практика. М., 1998. С. 297–298.

ституция должна сама быть основана на, как выразились американские конституционалисты, «идее святости» и «высшем праве», закреплять собой и всячески способствовать поддержанию высокого человеческого достоинства, призвания и свободного самоопределения, развитию национальных верований, системы ценностей, целей, нравов, обычаев и традиций, образа и уклада жизни, а также всех важнейших государственно-правовых институтов и функций. При этом конституция должна стать высшей позитивной нормой, идеальным образом и механизмом осуществления этой трансцендентальной цели, достижению которой она должна ежедневно служить. Образно говоря, правомерная конституция должна представлять собой “будущее в настоящем”, прообраз искомого идеального и желанного социального порядка и развития, систему официально осознанных и всенародно признанных определенных императивных и договорных ценностей и целей для постепенного преобразования идеального и потенциального в актуальное и реальное, ложного – в истинное, недостаточного – в полное, искаженного – в нормальное, зависимого – в свободное, безответственного – в ответственное, больного – в здоровое, ветшающего – в новое.

Разумеется, основание конституции, как и корень дерева, должно оставаться в основном невидимым, однако определенным, ибо именно из него, как единственной жизнеобеспечивающей силы государства и законодательства, будут произрастать все остальные части и плоды всей правовой жизни общества. В невидимой своей части основание конституции может стать только предметом истинной веры, сознающей невидимое в настоящем, но надеющейся на его проявление в будущем, как нечто реальное, сущее, вечное и неизменное, в которой содержится животворящий дух земных и небесных обетований.

В духовном понимании конституция есть отражение совести, характера и внутреннего склада, правосознания и положительного опыта конкретного народа в определенный период его исторического приближения к идеальному образу его жизни. Необходимость в составлении конституции национального государства в виде единого документа появилась тогда, когда у того или иного народа появилась насущная потребность увидеть желанный образ своей реальной жизни в духовном зеркале своей богоданной и богоотражающей совести, нормировать наличное свое правосознание и практический разум, обобщить положительный опыт своей правовой жизни. Поэтому, каково реальное состояние народа – такова и его конституция в её действии или бездействии.

Национальные конституции, как правило, составляют патриоты, а «любить свою родину – значит пламенно желать видеть в ней осуществление идеала человечества и по мере своих способностей споспешествовать этому»¹. Потому конституция не должна быть мечтательно выдумана или слепо списана у других народов, а должна кристаллизоваться вокруг ярких и представительных личностей из формы осознанного ими народного духа, разума и положительного правового опыта, до качественно минимального уровня которых при желании может и должен вырасти каждый член общества. При этом существенной является добрая воля, искренняя вера и достаточные усилия каждого человека на пути осуществления своего призвания и реализации смысла своей жизни. В этом плане конституция – это своего рода путеводитель народа, составленный его духовными лидерами и лучшими олицетворителями, которым в той или иной мере удалось согласовать волю своего народа с Промыслом, или Провидением Божиим в виде перспективного договора-завета с Творцом и между его чадами внутри своего народа. Поэтому конституция как только политический компромисс между доминирующими и конкурирующими в данном народе в данный момент политическими силами не может быть достаточно правомерным актом и долговременным ориентиром национально-государственной и политической жизни. В основе так называемых компромиссных вариантов конституций, как показывает история, бываюют заложены отпечатки грязных игр различных политических партий и их яростная борьба за государственную власть. Это всякого рода обман, подкуп, насилие, а не любовь, правопорядок и заряд совершенства, т. е. не горнее, а долнее, не вечная истина и небесная справедливость, а земная кратковременная ложь и мирская моментальная выгода.

Никакая истинная конституция не может избежать религиозных, нравственных и историко-правовых корней своего народа. Например, без понимания традиционной религии русского народа – православного христианства – трудно понять, почему до сих пор в России конституционно не закреплено право свободной продажи земли в форме частной собственности. Без учета «генетической конституции» и исторических особенностей народа невозможно представить его совершенную конституцию, поскольку они составляют реальную основу и потенциал его возможностей, за пределами которых данный народ не может нормально существовать и жить. Конечно, это не является оправданием или призывом издавать «законы об охране национальной крови» и проповедовать то или иное национальное превосходство (Боже упаси!).

---

¹ Белинский В. Г. Собрание сочинений. В трех томах. Т.1, М., 1948. С. 640.

Дело в том, что даже самый совершенный народ есть всего лишь бесконечно малая часть творения Божия и только некая часть всего человечества, т. е. не целый и достаточный образ для развития разумной и творческой личности, и потому неправомерно искусственно преувеличивать особенную роль того или иного народа, отрывая его от общего организма и путей развития всего человечества. Однако знать и действовать в пределах своего призвания и исторического предназначения - важнейшее и предельно максимальное дело каждого народа. О соотношении генетико-наследственных и приобретенных в течении жизни свойств человека, а, стало быть, и народа Б. Сергеев писал следующее: «Самая настойчивая тренировка способна довести спортсмена лишь до определенного предела, определяемыми наследственными свойствами организма, дальше которого он уже не продвинется»¹. Поэтому каждый народ должен знать свою меру и предназначение в русле развития исторических событий в жизни других народов и всего человечества.

Любая общечеловеческая, региональная (например, европейская) или национальная конституция – это официально признанная и законная религиозная и мировоззренческая установка, политическая программа упорядочения наиболее важных взаимоотношений между основными субъектами права и структурами единого общества для реализации конечной цели государства, права и закона – путеводительства людей до порога их духовного освобождения и спасения, посильного их приближения к Творцу-Господу и исполнения неизменных заповедей любви в духе и истине. Именно по этой конечной цели права можно мерить и оценивать степень правомерности и совершенства конституции того или иного народа, человеческого закона, учреждения, функции или поступка, а не по искусству совершения тех или иных сепаратных сделок между политическими партиями и движениями, временным успехам правителей-временщиков или доминирующему влиянию той или иной модной идеологии или политико-правовой теории².

В этом процессе не воля Бога как верховного Законодателя должна быть согласована с волей или прихотями того или иного народа, а, напротив, воля всякого народа должна быть приведена в соответствие с высшей волей истинного и неизменного Законодателя, Правителя и Судьи, в которой выражается сущность права и назначение закона. И поскольку свою волю способны согласовывать с

¹ Сергеев Б. Ф. Как стать гением. Л., 1991. С. 174.

² См. подробно: Осипян Б. А. Смысл истинной теории и философии права // Вопросы правоведения. 2010. № 2. С. 59–77.

волей Божией лишь избранное меньшинство, или даже отдельные провиденциальные личности любого более или менее политически организованного общества, то правомерная конституция в первую очередь должна способствовать свободной и ответственной жизнедеятельности просвещенных и живущих по «логике» любви и жизни этих творческих людей, а не приспосабливаться к низменным потребностям корыстного демократического большинства и к изменчивым политическим интересам обманувших их политических партий или отдельных демагогов, которые привыкли мыслить и жить по логике выживания и компромиссного существования.

Основанная на любви, вере и лучшей надежде конституция, в отличие от языческой конституции, – это компас, указывающий на тот порядок и направление личной, социальной и государственной жизни, которые ведут людей к истинной свободе, безопасности и миру, отдаляют от зла, несвободы и смертоносного соревнования, войн, грабежей и убийств. «Установление всеобщего и постоянного мира, – писал И. Кант, – составляет не просто часть, а всю конечную цель учения о праве в пределах одного лишь разума.., который путем постепенных реформ в соответствии с прочными принципами может при непрерывном приближении привести к высшему политическому благу – к вечному миру»¹. Словом, конституция – не идол и не украшение для поклонения, не государственно-правовая самоцель, а средство ежедневной и постоянной реализации закона размеренной, упорядоченной, свободной и мирной жизни на земле, конечная цель которого состоит в направлении людей к жизни надзаконной, духовной и вечной в истине и Боге. Совершенная конституция является плодом глубокого непонимания, высокого правового сознания и искусства, ибо она также имеет способность пробуждать в людях и формировать самые добрые чувства, потребности и мысли, вдохновлять их на ведение достойного образа жизни в качестве основного практического руководства по правовому воспитанию, свободному и ответственному самоопределению каждого и всех согласно благу их богоданного призвания и осмысленной жизни. «Цель жизни народов, – писал Н. А. Бердяев, – не благо и благополучие, а творчество ценностей, героическое и трагическое переживание своей исторической судьбы. А это предполагает религиозное отношение к жизни. ... Каждое поколение имеет цель в самом себе, несет оправдание и смысл в своей собственной жизни, в творимых им ценностях и собственных духовных подъемах, приближающих его к Божественной жизни, а не в том, что оно является

---

¹ Кант И. Соч. Т. 4(2). С. 282, 283.

средством или орудием для поколений последующих. И разве люди XIX века не дальше от Бога, чем люди прежних веков?»¹.

Какие же правомерные и более или менее долгосрочные цели могут быть закреплены в положениях искомой конституции, которым должны быть подчинены все остальные промежуточные цели действующего законодательства?

«Вся наша жизнь, – писал Е. Н. Трубецкой, – есть стремление к цели. От начала до конца она представляется в виде иерархии целей, из которых одни подчинены другим в качестве средств. ... У каждого из нас есть что-то бесконечно дорогое, ради чего он живет. Всякий сознательно или бессознательно предполагает такую цель или ценности, ради которой, безусловно, стоит жить. Эта цель..., жизненный смысл, есть предположение неустранимое, необходимо связанное с жизнью как таковой; и вот почему никакие неудачи не могут останавливать человечество в искании этого смысла. Полное разочарование выразилось бы даже не в самоубийстве, а в смерти, в полной остановке жизни, ибо самоубийство есть акт волевой энергии, направленный к цели и, стало быть, предполагающей цель. Акт этот свидетельствует не о прекращении стремления к смыслу, а, наоборот, о силе этого стремления и об отчаянии, прорывающийся из неудачи в его достижение»².

Поскольку люди не могут стремиться к достижению своей конечной цели без свободы воли и возможности ответственного самоопределения по своему призванию, право на самоопределение каждого человека и народа должно стать универсальным и конституирующим всякую человеческую жизнь в ее постоянном развитии. Разумеется, что само понятие общечеловеческого развития и прогресса понимается далеко не однозначно, поскольку люди осознают и признают различные и даже противоположные ценности и цели, хотя не все из них ведут к истинному благу человека и общества в целом. Дело в том, что истинный прогресс измеряется не только и не столько временными параметрами, а главным образом новыми способностями и дополнительной жизненной силой и совершенством духа.

По этому поводу Р. Эмерсон писал: «Общество никогда не продвигается вперед. Едва что-то приобретает в одном отношении, оно немедленно теряет что-то в другом. Оно постоянно претерпевает изменения: общество было варварское, на смену ему пришла цивилизация, затем христианство, появилось общество богатое, общество науки, но эти перемены не означали улучшения. За все, что

¹ Бердяев Н. А. Судьба России. МГУ, 1990. С. 48; Смысл истории. С. 151.

² Трубецкой Е. Н. Смысл жизни. / Избранные произведения. Р-на-Дону, 1998. С. 66.

приобретается, приходится что-то отдавать»¹. Нечто подобное высказал также Ф. Ницше: «Человечество не представляет собой развитие к лучшему, или к сильнейшему, или к высшему, как в это до сих пор верят. «Прогресс» есть лишь современная идея, иначе говоря, фальшивая идея. Теперешний европеец по своей ценности глубоко ниже европейца эпохи Возрождения; поступательное развитие решительно не представляет собою какой-либо отвратимости повышения, усиления»². На самом деле всякий прогресс приносит с собой не только новые возможности и удобства, но и дополнительные и еще более трудные и даже неразрешимые проблемы, ограничения и запреты, и количество этих трудноразрешимых проблем растет гораздо быстрее, нежели средства для их разрешения. Как отмечал Н. Винер, «простая вера в прогресс является убеждением не силы, а покорности и, следовательно, слабости... Необходимо, чтобы новые технологии и возможности использовались на истинное благо человека, в интересах его духовного развития и увеличения времени его досуга, а не только для получения прибылей и поклонения машине по этому поводу»³.

В сфере мирской жизни рост человеческих потребностей всегда обгоняет растущие возможности их удовлетворения, каждое новое знание лишь увеличивает сознание сферы еще большего незнания и невежества, каждая разгаданная тайна рождает множество еще более невообразимых тайн и проблем. Даже в сфере религиозного развития истинной целью является вовсе не построение как можно большого количества храмов для служения Богу, а прежде всего воспитание любви и веры, постоянное внимание и исполнение Слова Божия, воздвижение нерукотворного храма в душе каждого для его освобождения и спасения. «Проблема всех проблем глобальных, региональных и локальных состоит внутри самого человека, а не вне его, в его свойствах и качествах, от которых зависит судьба всего человечества», – писал бывший президент Римского клуба А. Печчеи.⁴ Так, создание общества сытых и богатых людей само по себе не означает создание более справедливого и высокоорганизованного общества, если сердца и души людей этих людей остаются необустроенными, несовершенными, несвободными, разбитыми и несчастными. Даже самые развитые в экономическом плане страны, в которых конституционно провозглашается приоритет прав и свобод человека, не могут стать образцом для будущего общежития чело-

¹ Эмерсон Р. Доверие к себе. Новые пророки. СПб., 1996. С. 191.

² Ницше Ф. Сочинения. В двух томах. Т.2. М., 1990. С. 634.

³ Винер Н. Кибернетика и общество. М., 1958. С. 58, 167.

⁴ Печчеи А. Человеческие качества. М., 1985. С. 73.

вечества, для его движения вверх, а не вперед или назад или туда-сюда, в разные стороны.

В нормальной конституции должны быть закреплены в иерархическом порядке промежуточные цели безопасности, мира, социальной солидарности, созидательного сотрудничества и т. д., которые необходимы для реализации конечной цели конституции – доведение подзаконных людей до порога совершенной свободы и духовной жизни. Неправомерное возведение любой промежуточной цели и тем более средства в ранг конечной есть не что иное, как фарисейская уловка, которая не может вести людей к чему-то достойному, высшему и благому.

К сожалению, конституции многих стран, как правило, закрепляют в форме высших целей ценностные объекты гуманистического атеизма, как-то: здоровье, жизнь, свободу, имущество и безбожное счастье человека. Разумеется, что в перечисленных целях нет ничего предосудительного, однако само по себе они лишь стимулируют в людях инстинкт самосохранения и суетливое стремление к физическому и материально-бытовому превосходству и выживанию, а не непосредственно к жизни в духе и истине. Дело в том, что ввиду смертности человека, все эти цели сами по себе бессмысленны и потому могут лишь рассматриваться как необходимые, но недостаточные средства и условия для истинно свободной, осмысленной жизни и спасения в вечности. «Жизнь коротка, – говорил император Марк Аврелий, – один плод земного существования – праведный душевный склад и дела на общую пользу... Что вредно обществу, то вредно и его члену... Кто не знает, для чего он рожден, не знает, ни кто он, ни что такое мир., ибо природа целого – есть природа сущего»¹. В святом для всех мусульман Коране посредством акцентирования на вечной жизни отмечается, что «здешняя близкая жизнь – только забава и игра»², и потому всякая цель в пределах этой жизни чрезмерно условна, относительна, временна и, следовательно, не может быть конституционно закреплена в качестве высшей.

Желая обеспечить себе и своим близким здоровую и материально обеспеченную жизнь, большинство людей тщетно пытается увековечить суету своей жизни постоянной и суеверной заботой об увеличении своих материально-технических возможностей, сил и средств, весьма редко задумываясь об истинных и достойных целях и смысле своей жизни. Стремясь подчинить и приспособить себе окружающий мир и своих ближних, люди не желают познать при-

¹ Марк Аврелий Антонин. Размышления. М., 1985. С. 32, 48, 49.

² Коран. Сура 29. Паук, 64.

чины неустроенности и беспорядка в своих душах, яростно соревнуются, бунтуют и чувствуют постоянную неудовлетворенность, смятение и томление от жажды какого-то абсолютного и вечного смысла и дела жизни, которое им никогда не изменит. Про таких людей в Св. Писании сказано: «Вы восхищаетесь ничтожными вещами и говорите: «Не своею ли силою мы приобрели себе могущество»¹. «Подлинно, совершенная суета всякий человек живущий. Подлинно, что человек ходит подобно призраку; напрасно он суетится, собирает и не знает, кому достанется то»². В Священном Коране в этом же духе говорится: «Всякая душа заложница того, что она приобрела. ...Горе тому, кто думает, что богатство его увековечит»³. Жизнь и поступки всех материально озабоченных людей похожа на вечную борьбу, противодействие и реакцию на условия окружающего его мира и среды его обитания, ибо он в смятении или отчаянии души вынужден все делать либо за какое-нибудь вознаграждение, либо за приобретение или сохранение нажитого им имущества или социального положения. Ему не легко сознавать, что истинно духовные и благие цели не могут быть достигнуты мирскими средствами и не извлекают положительного урока из истории безбожного и безуспешного строительства вавилонской башни.

«Одной из величайших препятствий, задерживающих духовный подъем, заключается в том призрачном наполнении жизни, которое дает житейское благополучие, комфорт, удобство, сытость и весь обман исчезающей, смертной красоты – вот те элементы, из которых слагается пленительный мираж, усыпляющий и парализующий силы духовные, – писал Е. Н. Трубецкой. – Чем больше человек удовлетворен здешним, тем меньше он ощущает влечение к запредельному. Вот почему для пробуждения нужны бывают те страдания и бедствия, которые разрушают иллюзию разрушенного смысла. Благополучие всего чаще приводит к грубому житейскому материализму. Наоборот, духовный и в особенности религиозный подъем обыкновенно зарождается среди тяжких испытаний. Глубочайшие откровения мирового смысла связываются с теми величайшими страданиями, которыми пробуждается и закаляется сила духа»⁴. Отмечая нарушение приоритета и подмену настоящих ценностей и целей в социальной жизни, Э. Фромм писал: «Все виды деятельности подчинены экономическим целям, средства становятся целями, человек является автоматом – хорошо накормленным, хорошо одетым, но без какого-либо глубокого интереса к своим характерным чело-

¹ Библия. Ветхий завет. Амос., 6:12.

² Библия. Ветхий завет. Пс., 38:6-7.

³ Коран. Сура 74. Завернувшийся. 41(38); сура 104. Хулитель.

⁴ Трубецкой Е. Н. Смысл жизни. / Избранные произведения. Р-на-Дону, 1998. С. 102–103.

веческим качествам и функциям. Если человек в состоянии любить, он должен занять свое высшее положение. Экономическая машина обязана служить ему, а не он ей. Его кровное право – участвовать в переживании, в творческой деятельности, а не только, в лучшем случае, в прибылях. Общество должно быть организовано таким образом, чтобы испытывающая потребность в любви натура человека не отделилась бы от его социального существования, а воссоединилась с ним. Любое общество, которое исключает развитие любви, должно в конце концов погибнуть оттого, что оно противоречит основным человеческим потребностям»¹.

Тех людей, которые озабочены материальным благополучием, японцы называют “животным экономическим”, которое, достигая высоких материально-технических стандартов, в то же время не испытывает истинных радостей и смысла своей жизни. Однако ирония жизни заключается в том, что многие материально обеспеченные люди все чаще и чаще начинают обращаться к религии и к вопросам о смысле жизни². Экономически поработанные или озабоченные «человекохищники»³ в условиях рыночных отношений “открытого” гражданского общества и правового государства в нравственных и политико-правовых отношениях руководствуются теми же «материалистическими стандартами», нормами купли-продажи или обмена славой, должностями, женами и т. д., строя свое призрачное счастье либо на обмане, либо на силе, подкупе, т. е. на несчастье своих ближних и дальних, вечно оставаясь неудовлетворенными и неблагоприятными Богу и своей судьбе. Ведь если человек неблагодарен своему вечному Отцу, может ли он на деле быть благодарным большим и меньшим временным братьям своим?! Он прекрасно осознает, что в таком «благополучном» обществе людей оценивают не по их богоданному достоинству и другим приобретенным духовным способностям, а лишь по тому, насколько он может служить удобным и безотказным средством для удовлетворения личных суэтных вожделений и мимолетных нужд.

Ввиду того, что «экономические животные» не ощущают себя как духовную самоцель и высокодостойное творение Божие, то они не видят в других людях того же самого, а только как объекты своей похоти и иных плотских целей. На истинно свободных людей они смотрят как на непонятный, но подсознательно укоряющий их дурной пример, который заставляет их иногда задумываться о своей жизни и который мешает им оставаться в духовном забвении и жить

¹ Фромм Э. Искусство любить. М., 1990. С. 153.

² Религиозные традиции мира, Т.2, М., 1996. С. 609.

³ Библия. Новый завет. 1 Тим., 1:10.

по-своему без всяких сомнений. «Наш мир, – писал Г. Торо, – это мир дела. Какая в нем бесконечная суета!... Если ходишь по лесу много часов каждый день просто потому, что любишь лес, тебя могут принять за бездельника. Но если проводишь целый день, спекулируя на бирже, продавая этот лес и оголяя землю раньше времени за большие деньги, тебя считают трудолюбивым и предприимчивым гражданином. Как будто городу нужно от леса одно: спилить его... Зарабатывать на жизнь надо любовно»¹.

Порабощенный плотскими делами человек при всей своей мирской общительности на самом деле является довольно замкнутым в себе, оторванным от Бога, других людей, от источников истинной жизни. Его внутренне состояние несвободно и не гармонично, а всегда находится под властью всяких социальных условностей. Он постоянно находится в напряжении, тревоге и страхе, ибо постоянно вынужден реагировать на внешние неприятности, которые исходят от подобных ему жадных, отчаянных и даже брезгующих своей жизнью людей. Он также вынужден постоянно изыскивать все новые и новые средства и способы для обеспечения своей безопасности, спокойствия и уверенности в жизни. Однако при этом он еще более осознает, что постепенно превращается в заложника приобретенных им материальных гарантий. Он уже не знает, чего бояться, а чего нет, тщетно пытается избежать неизбежного – вечно терзающего его душу эгоизма и непостоянных условий своей бессмысленной жизни. Однако ему некуда деться в этом безбожном мире, в котором сильный подчиняет или поедает слабого и в котором вчерашние слабые посредством приобретения богатства и власти «развивая в себе все свои человеческие силы как самоцель»,² захватили у своих хозяев пальму первенства.

Посредством нового витка соперничества «благополучный человек» пытается снова восстановить свои былые позиции и снова самоутвердиться в собственных глазах. Однако, как писал Н. А. Бердяев, такое безбожное «...самоутверждение человека ведет к самоистреблению человека, ибо раскрытие свободной игры сил человека, не связанного с высшей целью, ведет к иссяканию творческих сил»³. «Человек без Бога и любви не способен на сохранение и развитие своей самости, ибо самость его открывается посредством любви», – утверждал К. Юнг⁴. А любовь есть не что иное, как одно из высших свойств и проявлений абсолютного и универсального

¹ Торо Г. Жизнь вне условностей.//Новые пророки. СПб., 1996. С. 119.

² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 25, Ч. 2. С. 387.

³ Бердяев Н. А. Смысл истории, стр. 110.

⁴ Юнг К. Архетип и символ. М., 1991. С. 155.

блага и цели – Бога. Подобно марксистам представители либерализма и гуманистического экзистенциализма, отрицая богообразие и богоподобие человека, связывают его достоинство и назначение с правами и интересами других людей. «Люди достигают высокого достоинства и превосходства не через выкраивание себя по известной мерке, – писал Дж. Ст. Милль, – а через развитие своей индивидуальности, вызывая ее к жизни в тех пределах, которые устанавливаются правами и интересами других людей... Все, что уничтожает индивидуальность, есть деспотизм..., все равно, во имя ли воли Божией, или во имя человеческой»¹.

Представляется, что здесь «глубокий мыслитель» не учитывает тот факт, что сохранение и тем более бесконечное развитие индивидуальности с присущей ей греховной природой и ее другими недостатками не может стать самоцелью и конечным предназначением любого человека, ибо, как отметил В. Франкл, «подобно счастью, самоутверждение и самоактуализация является лишь результатом, следствием осуществления смысла; лишь в той мере, в какой человеку удастся осуществить смысл, который он находит в себе и во внешнем мире, он осуществляет и себя».² Без определенных образцов и мерок жизнь человека не может иметь определенного смысла, а является добровольным рабством у своей плоти и своих низменных страстей. Действительным деспотизмом для человека является его «безбожное самодержавие и самоуправление», которые грозят хаосом и расстройством как в его душе, так и в его ближайшем окружении. А ведь смысл и цель жизни каждого человека не в том, чтобы кроить себя по мнению других людей о себе, а чтобы жить согласно своей совести, отражающей в себе неизменные заповеди Бога, богоданному достоинству и духовному предназначению, по законам постоянного духовного обновления и совершенствования. Человек, оторванный от источника всякой жизни – Бога – неизбежно варится в собственном соку до тех пор, пока не осознает бессмысленность и абсурдность своей жизни или встречает мрачное мгновение своей смерти, так и не достигая истинно блаженного состояния.

Неверие и суеверие либерал-демократов приводит их к демагогическому призыву всем есть, пить и развлекаться без веры, совести, нужды и страха. Оно предпочитает навсегда предать забвению ответственность человека за все совершаемые им мерзости, и это соблазнительное правдоподобное доктринальное зло начинает кодифицировать в форме соответствующих международно-правовых ак-

¹ Милль Дж. Ст. О свободе воли. С. 342, 343.

² Франкл В. Человек в поисках смысла. М., 1990. С. 58–59.

тов и стандартов, которые, с легкой руки международных гуманитарных помощников постепенно переключаются в нормы национального законодательства и обычаи конкретного общества.

Отмечая, что люди чрезмерно редко пытаются рефлексивно сознать истинный смысл, цель и образ своей жизни, С. Кьеркегор писал: «Большая часть людей живет, не особенно задумываясь над своим духовным предназначением... Отсюда и вся эта ложная беззаботность, это ложное довольство жизнью и так далее – то, что как раз и есть само отчаяние. Но из тех, что называют себя отчаявшимися, обыкновенно есть те, кто имеет в себе достаточно глубины, чтобы осознать свое духовное предназначение, и другие, которых привели к осознанию этого предназначения тяжкие события и суровые лишения; помимо таких людей нет вовсе, ибо тот, кто не отчаялся, должен быть весьма редким существом... Растрчивает себя напрасну только то сознание, которое столь обольщено радостями и печалью жизни, что оно никогда не приходит как к решающему приобретению вечности, к сознанию того, что оно есть дух, к ощущению в себе Бога, ради Которого «Я» существует... Увы, сколько развлекаются или же развлекают толпы чем угодно, кроме того, что действительно важно. Их гонят стадами... и обманывают всех скопом, вместо того, чтобы рассеять эти толпы, отделить каждого индивида, чтобы он занялся, наконец, достижением высшей цели, единственной цели, ради которой стоит жить., которой можно питать всю вечную жизнь».¹

Существо, которое родилось человеком, не может сделать целью своей жизни только получение плотских наслаждений и мирской радости, приобщиться к чисто животному «счастью» и в то же время оставаться принадлежать к своему виду, либо, подобно мотыльку, стремиться к своему счастью и стать частью всепожирающего огня иллюзорного светлого будущего, чтобы найти там свою неизбежную и бессмысленную гибель. Человек, который вынужден развеивать свою тоску и скуку посредством участия в разного рода развлечениях (*homo ludens*), похож на тяжело больного, который находится в состоянии реанимации и жизнь которого искусственно поддерживается капельницей всяческих зрелищных мероприятий. Дело в том, что мирские развлечения являются тщетными попытками заполнить страшную пустоту души скучающего человека и отвлечь его от сознания угнетающей безысходности его жизни. Такой, в мирском понимании, нормальный человек, по мнению А. Шопенгауэра, «вынуж-

¹ Кьеркегор С. Болезнь к смерти. Всеобщность отчаяния / Наслаждение и долг. Р/н/Д. 1988. С. 379.

ден искать жизненные наслаждения вне себя: в имуществе, чине, жене и детях, друзьях, обществе и т. п. и на них воздвигать свое счастье; поэтому счастье его рушится, если он их теряет или в них обманывается. Его положение можно выразить формулой: центр его тяжести вне его, а не в жизненной силе внутри его»¹.

Подобно цели достижения материального благополучия, цель стремления человека к счастью также не может быть закреплена конституцией как высшая цель или принцип личной и социальной жизни. «Принцип личного счастья гласит:»люби себя больше всего, а Бога и ближнего своего – только ради самого себя, – писал И. Кант. – Человек живет лишь из чувства долга, а не потому, что находит какое-то удовольствие в жизни..., ибо воля и желание удовольствия человека могут быть неразумными и неправомерными»². Стало быть, цель человеческого стремления к личному счастью, из-за своей неопределенности и относительности, не может быть оформлена и признана в качестве высшей конституционной цели.

Жизнь безбожного, бессовестного, нечестивого и недостойного человека, при всех его видимых мирских успехах, постоянно и в конечном счёте загоняет его в состояние безысходного отчаяния, в котором он начинает терять свое истинное лицо, деперсонализируется и становится фаталистически равнодушным как к своей жизни, так и к жизни других людей. Никакое событие в жизни такого человека не является благоприятным для реализации смысла и цели его жизни, ибо ему, как капризному ребенку и незрелому юноше, «всегда не достаёт смысла»³. «Большая часть людей, – писал С. Кьеркегор, – не проникают слишком глубоко в основу своего отчаяния, что вовсе не доказывает, что у них его нет. Весьма редки те, кто имел бы в жизни, хотя бы в слабой форме, некое духовное предназначение. Для мира желание быть духом – лишь ненужная трата времени и должна преследоваться по закону, вызвать презрение и сарказм, как преступление против человечности, как абсурдный вызов, заполняющим время бездумным отрицанием. Большая часть людей, если заглянуть поглубже, за всю свою жизнь не выходят из состояния детства и юности, т. е. из непосредственной жизни, подкрашенной маленькой толикой рефлексии о себе самом. Они все полны иллюзиями юношеской надежды или иллюзиями старческих воспоминаний»⁴.

¹ Шопенгауэр А. Афоризмы житейской мудрости М., 1990. С. 36.

² Кант И. Сочинения. В шести томах. Т. 4(1/). С. 409, 415, 457.

³ Библия. Ветхий завет. Эккл., 10:3; 11:10.

⁴ Кьеркегор С. Болезнь к смерти. Всеобщность отчаяния. /Наслаждение и долг. Р/н/Д. 1988. С. 405.

Вместе с утратой смысла и цели жизни у человека утрачивается всякое желание и интерес к собственному достоинству и самоопределению согласно своему призванию и предназначению, к поискам истины и красоты жизни. Такой человек может с наслаждением деградировать в некрофила (смертолюбца) и пожизненно тосковать по смерти и даже по всяким социальным катастрофам, ежедневно происходящим в мире. По этой же причине, а также по стечению различных обстоятельств в личной жизни (безработица, смена профессий, боязнь конкуренции, уход на пенсию, алкоголизм, наркомания, поголовная компьютеризация и т. д.) в современных промышленно развитых странах ежегодно кончают жизнь самоубийством¹ тысячи и тысячи благосостоятельных человек, а десятки тысяч людей делают попытку самовольно поставить точку в своей безбожной и бессмысленной жизни, в которой они не находят того, ради чего им стоило бы жить. Дело в том, что если человек сознает смысл, цель и свое предназначение в жизни, то он изо всех сил старается найти соответствующие им средства и возможности для их реализации, тем более, что для всего этого требуется, как правило, не так много средств, ибо при желании служить Богу и людям в любви и вере можно в любом состоянии, в любое время и в любом месте. Здесь главное – отвернуться от соблазнов греховной жизни, отчаиваться в совершении греха, вырваться из «порочного круга» самопорабощения, восстановить свою духовную целостность на пути ежедневного приближения к Богу и осмысления своей жизни. Выход из этого – один: он – Христос, Который говорит: «Я дверь, ...путь и истина и жизнь».²

Освобождение человека и всего человечества от всякого рода суеверий и заблуждений является несравненно более важной миссией и целью, нежели тщетное стремление к иллюзорному счастью и материальному благосостоянию, ибо свободные и просвещенные люди всегда способны организовать свою жизнь так, чтобы избежать голода, нужды и беспорядка, тогда как сытые и беззаботные, но суеверные и невежественные граждане, не способны поистине благоустроить свою личную и социальную жизнь. Поэтому все дело воспитания, образования и просвещения людей должно быть поставлено так, чтобы человек, знающий все законы и условности общества и тщательно обходящий их из-за своих корыстных интересов, из идеала, ныне конституционно поставленного на вершине со-

¹ Статистически установлено, что больше всех самоубийств совершается в Венгрии, а в Армении почти каждый день совершается одно самоубийство, причём преимущественно молодыми людьми, которые не успели ещё приобрести Бога и не нашли себя в этой стремительно изменяющейся брэнной современной жизни..

² Библия. Новый завет. Иоанн., 10:7; 14:6.

циального прогресса, превратился бы в любящее неизменные Божии заповеди духовное существо, которому для свободной и осмысленной жизни всякое многозаконие ни к чему.

Иерархия конституционных целей и краеугольных принципов должна быть такой, чтобы она способна была бы помочь людям и обществу в целом правильно ориентироваться в ежедневной и перспективной жизни и при этом избегать двух крайностей: с одной стороны, произвола собственных страстей и прихотей, а с другой – произвола других людей над собой. Дело в том, что «безбожный самонаравец», или «халиф на час» не менее опасен для себя и для других, нежели «безбожный манкурт», слепо и усердно вредящий людям по заказу своих приходящих к власти и бесследно уходящих из жизни сильных мира сего и провинциальных хозяев жизни.

Итак, высшей целью для совершенной международной (скажем, европейской) или национальной конституции, как ни парадоксально, должно стать духовное освобождение и спасение людей от своего внутреннего зла («коррупции») посредством их ежедневного приближения и служения Богу, а также создания в обществе необходимых условий для этой цели; их объединения посредством абсолютных и вечных императивов любви, веры и лучшей надежды, их достоинства и совести, свободной и ответственной реализации смысла своей жизни согласно собственному призванию и назначению. Именно в такой вечной и бесконечной цели заложен неиссякаемый заряд истинного развития (так называемого прогресса) каждого человека и всего человечества, который должен определяться мерой полноты любви и богонасыщенности человеческих душ, или мерой присутствия Бога в их душах, мыслях, делах и поступках.

Альберт Эйнштейн, который не занимался высшим богословием, но всего лишь классической физикой и математикой, высказался о сущности истинного общечеловеческого прогресса довольно просто и коротко: «Истинный прогресс человечества зависит не столько от хитроумной изобретательности, сколько от совести».¹ А совесть, как уже было сказано, и есть благовестие (евангелие) Бога в душе каждого человека, неподсудный никому, кроме высшего Судьи – Господа Бога, индивидуальный высший критерий его для правильной оценки чувств и душевных состояний, мыслей, намерений и практических дел. Итак, всепобеждающая любовь, безотчётная и бесстрашная перед всякими земными властями совесть суть постоянные указатели и путеводители высшей пожизненной и конститу-

¹ По кн: Дж. Темплтона. Всемирные законы жизни. М., 1999. С. 521.

ционной цели и бесконечного смысла жизни каждого нормального человека, народа и всего человеческого рода в целом.

Библиографический список:

1. *Темплтон Дж.* Всемирные законы жизни. М., 1999.
2. *Ясперс К.* Смысл и назначение истории. М., 1993.
3. *Августин.* Об истинной религии. Минск, 1999.
4. *Коменский Я. С.* Избранные педагогические произведения. Великая дидактика. Т.1, М., 1939.
5. *Гегель.* Философия религии. В двух томах. М., 1976..
6. *Августин.* О граде Божием. Минск-Москва, 2000.
7. *Платон.* Сочинения. В трёх томах. Т. 3(2). М., 1968–1972.
8. Памятники армянского права. Ереван, 2001.
9. Социальная психология. М., 1975.
10. *Спиноза Б.* Богословско-политический трактат. Минск., 1998.
11. Афоризмы о юриспруденции. М., 1999.
12. Духовная жизнь в миру. М., 1998.
13. Великие мысли, кратко реченные. Изречения святых отцов и учителей церкви. СПб., 2001.
14. *Шпенглер О.* Закат Европы. Ростов-н/Д., 1998.
15. *Соловьев В. С.* Оправдание добра. М., 1996.
16. *Гомьен Д., Харрис Д., Звак Л.* Европейская конвенция о правах человека и Европейская социальная хартия: право и практика. М., 1998.
17. *Белинский В. Г.* Собрание сочинений. В трех томах. М., 1948.
18. *Сергеев Б. Ф.* Как стать гением. Л., 1991.
19. *Эмерсон Р.* Доверие к себе. Новые пророки. СПб., 1996.
20. *Винер Н.* Кибернетика и общество. М., 1958.
21. *Печчеи А.* Человеческие качества. М., 1985.
22. *Юнг К.* Архетип и символ. М., 1991.
23. *Франкл В.* Человек в поисках смысла. М., 1990.